

Roman Jakobson

О СТИХОТВОРНЫХ РЕЛИКТАХ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

В полезной книге, недавно изданной под не вполне точным заглавием — *Nejstarší česká duchovní lyrika* (Прага 1949), исследователь старочешской письменности **Antonín Skarka** собрал и комментировал те обрядовые тексты и немногие памятники чешской духовной поэзии, которые были сложены до конца тринадцатого века, и наконец, без достаточного основания, присвоил две напевных молитвы первой половины четырнадцатого столетия.

Хотя не менее трех веков отделяет возникновение древнейшей песни, вошедшей в чешский литературный обиход, — **Hospodine, pomiluj ny!** (= **HP**) — от старших ее записей, известных нам с конца четырнадцатого столетия, нельзя не согласиться с предположением названного автора (стр. 21), что ее первичный вид мало чем отличался от показаний этих записей. Но критическая реконструкция первоначальной редакции требует сравнительного анализа вариантов. Именно поэтому **Dobrovský** проникновенно настаивал в письме 30-го августа 1828 г., чтобы **Hanka** «se chystal k většímu a lepšímu vydání staré písně Hospodine se všemi proměnami». Уже в конце четырнадцатого века бржевновский монах **Jan z Holešova**, которого **Brückner** справедливо прозвал зачинателем славянской филологии, попытался установить путем выбора надлежащих разночтений каноническую версию **HP**, где бы были, по мнению ученого бенедиктинца, правильно и точно соблюдены именно *diccionēs et syllabae*, которые внес в эту песнь сам ее сочинитель (**Z. Nejedlý**, *Dějiny předhusitského zpěvu v Čechách*, Прага 1904, стр. 324). Разумеется, текст, восстановленный бржевновским начетчиком, не удовлетворяет требованиям нынешней научной техники, но тщательно подобранные им варианты отдельных стихов, пополняя коллекцию разночтений в песенных списках того же времени и гуситской эпохи, существенно облегчают филологическую работу по реставрации памятника. Между тем **Шкарка** ограничивается нижеприведенной транскрипцией списка восьмидесятых годов четырнадцатого столетия (стр. 67), по собственному заверению, «не принимая во внимание» свидетельства прочих рукописей и цитируя из них в примечаниях всего-навсего три отступления (стр. 93):

1. Hospodine, pomiluj ny!
2. Jezukriste, pomiluj ny!
3. Ty, Spase všeho míra,
4. spasiž ny; i uslyšiž,
5. Hospodine, hlasy nášě!
6. Daj nám všěm, Hospodine,
7. žižň a mír v zemi!

Припев: Krleš! Krleš! [Krleš!]

Уже первое слово этой версии является, как и Шкарка (стр. 23, 93) признает, поздним подновлением: не только летописцы тринадцатого века, цитирующие первый стих НР, но и некоторые рукописи двух последующих столетий дают форму **Hospodin**, подставленную в свою очередь взамен старославянского **Госпеди**, как указал уже **Jagić** (*Arch. f. slav. Philol.* 1906, стр. 618 сл.). Последнюю форму следует предполагать также для пятого и шестого стиха. Этими заменами ретушь первоначального песенного текста не ограничивается.

В четвертом стихе каждая из двух императивных форм, согласно бржевовскому трактату, *in zz grossius* (= *ž*) *debet terminari* (*Nejedlý*, стр. 321): *spasiž... uslyšiž*. Но и вариант без частицы *ž* засвидетельствован в старших записях: *uslyš* (*Škarka*, стр. 93; *D. Orel*, «*Hudební prvky svatováclavské*», *Svatováclavský sborník* II 3. Прага 1937, стр. 29, 30); в этом случае за глаголом может следовать местоимение: *uslyš ny* (*Orel*, стр. 31, 33). Сопоставление этих вариантов позволяет предполагать, что стих первоначально кончался простой формой *uslyši*, а когда конечное *-i* императива подлежало утрате в чешском языке, оно либо сохранялось в этом стихе путем присоединения частицы *ž*, либо наконец утраченный слог возмещался подстановкой тавтологического дополнения *ny*. Эта склонность не менять числа слогов позволяет предположить первоначальное наличие силлабизма в словесном и музыкальном метре песни.

В предыдущем стихе наряду с канонической формулой *všeho* вариант *vyšieho míra* засвидетельствован старыми списками (*Škarka*, стр. 93) и бржевовским трактатом. Последний решительно осуждает это словосочетание, подставляемое *per ignoranciam et ergorem*, и отмечает локальную попытку его переосмысления — *božieho míra* (*Nejedlý*, стр. 320, 327). Как я имел уже случай отметить (*Nejstarší české písně duchovní*, Прага 1929, стр. 24), вариант *vyšieho* легко объясняется как равносложный субститут формы *вкшиго*, введенный в угоду силлабизму стиха и напева, когда традиция произнесения слабых глухих стала отмирать уже не только в речи, но и в ритуальном пении. Такая подстановка особенно естественна при поддержке чешской графики, которая на рубеже одиннадцатого и двенадцатого века, как согласно свидетельствуют и Венские и Пражские глоссы, передавала оба слова одним и тем же написанием *visego*.

Чешские исследователи (Orel, стр. 55 сл.; Skarka, стр. 24 сл.) четко обосновали догадку, что именно песню НР имеет в виду ссылка летописца Козьмы на *Kyrieleyson cantilenam dulcem*, которую все, как высокие, так и малые представители *Boemicae gentis* пели в 1055-м г. при избрании Спытигнева князем после смерти его отца Бржетислава. Для первого засвидетельствованного появления славянской духовной песни в государственном церемониале чешского княжества нет более убедительных предпосылок, нежели только что завершенная деятельность двух руководящих поборников славянской литургии — князя Бржетислава и игумена Прокопа. Если таким образом песня возникла не позднее середины одиннадцатого века, то сохранение слабых глухих в ее первоначальном изводе вполне закономерно. Подставив соответственно слабые глухие в тексте НР, мы насчитываем по восьми слогов в первом, четвертом и седьмом стихе, и напрашивается гипотеза о восьмисложном размере всей песни.

В конце пятого стиха рукописи дают разночтения: *hlasy nášě* (Orel, стр. 29, 30), *hlas náš všěch* (Orel, стр. 31), а бржевовский трактат цитирует с порицанием вариант *hlasy nás všěch* (Nejedlý, стр. 321). Нетрудно восстановить общий первоисточник этих разночтений: [оуслыши,] Господи, гласъ нашихъ (8 слогов). Родительный падеж дополнения при *verba audiendi* — обычное явление в древних памятниках славянских литератур; труды Миклошича и других исследователей славянского синтаксиса приводят целый ряд примеров: *святыхъ словєсъ да слышимъ*; *оуслышши гласа сего*; *оуслыши, боже, молнии моєго*; *гласа моєго слоушантѣ*; *послоушанта словєсъ моухъ*; итд. Выход из употребления в этой синтаксической конструкции, и формы род. множ. *гласъ* повлек за собой либо переосмысление этой формы как вин. ед., либо подстановку вин. множ. вместо род. множ., заодно силлабически возмествившую утраченный ъ, а определение *нашихъ* было либо перелицовано в *nás všěch* с сохранением род. падежа, либо просто заменено винительной формой.

В начале третьего стиха бржевовский трактат насчитывает три альтернирующих односложных словечка — *ty, i, en* (Nejedlý, стр. 325), вставленных, надо думать, для заполнения силлабической схемы, расшатанной падением слабого глухого в *спаси*. В шестой стих, растерявший слоги со слабыми глухими, было повидному втиснуто односложное *pám* (ср. схожую словесную ассоциацию *nás všěch* в варианте пятого стиха). Наконец, во втором стихе силлабическая схема, пострадавшая от перехода четырехсложной формы *помилуѣи* в трехсложную *romiluj*, могла подставить четырехсложное *Jezukriste* взамен трехсложного *Исусѣ* (или чешского эквивалента *Ježíšu*). Семь восьмисложных стихов первоначального песенного текста отчетливо выступают без рискованных конъектур:

1. Господи, помилуѣи ны!
2. Исусѣ, помилуѣи ны!
3. Спаси всьего мира,

4. съпаси ны и оуслыши,
5. Господи, гласъ нашихъ!
6. Дазь въскъмъ, Господи,
7. жизнь и миръ въ (на?) земли!

Припев: Кръсъшь! Кръсъшь! Кръсъшь!

Эта реконструкция всецело совпадает с мнением Шкарки, что первоначальная версия песни отличалась главным образом в звуковом и грамматическом отношении, тогда как ее словарный состав оказывается почти неизменным (стр. 21). Из лексических единиц, вошедших в НР, одни, как 1, 2 *pomiluj*, 3 *spase*, 3 *všeho míra*, по всей вероятности — 7 *žizň* «жизнь, благосостояние» (ср. M. Weingart, *Československý typ církevní slovančiny*. Братислава 1949, стр. 99) и 1, 5, 6 *Hospodi* (в древнейших записях первого стиха *Hospodin*, см. выше), бесспорно выдают свое церковнославянское происхождение и либо вовсе не встречаются в памятниках чешского языка, как напр. *mír* в значении «свет» и в частности *veš mír* «вселенная», либо попадают туда только в явственных церковнославянских цитатах (*Hospodi, pomilovati* «помиловать», *spas* «спаситель»); остальные же слова песни одинаково бытуют и в церковнославянской, и в чешской лексике, но во всем стихотворении нет ни одного слова специфически чешского и неизвестного церковнославянскому словарю. Правда, в упомянутой работе Вейнгарта 7 *mír* «в чешском значении *pokoj*» противопоставляется старославянскому термину, *покои* (стр. 99 сл.), но это лишь одна из многочисленных неточностей названной книги, написанной в 1933 г., ныне совершенно устарелой, да и для своего времени полной некритических суждений, противоречий и пробелов. Слово *миръ* в значении *εἰρήνη* издревле знакомо церковнославянской письменности, которая нередко отмежевывает его от слова *покои ἀνάπαυσις*. Во все загадочно, что имеет в виду Шкарка под «обильными» лексикальными богемизмами в НР (стр. 21).

Во всем произведении нет ни одной грамматической формы, по разному трактуемой в церковнославянской и чешской речи X—XI веков. Что соответствовало в первоначальном тексте написанию *day* в рукописях конца XIV века — более архаичное *дазь* или раннее новообразование *дан*, решить абсолютно невозможно. Первая редакция НР была старославянским памятником чешского извода, как все нелатинские плоды духовного творчества в Чехии вплоть до упразднения славянской литургии. Степень чехизации правописания таких памятников с течением времени слегка повышалась, как показывает сопоставление Пражских отрывков с Киевскими листками, и вопрос остается открытым, писать ли в реконструкции *въс-* или *въш-* и *земан* или *земн*. Рукописи середины нашего тысячелетия, конечно, не в состоянии дать руководящих указаний. Но для восстановления стихотворной формы эти орфографические детали лишены всякого значения.

Реконструкция первоначального текста не только не является «насилием над материалом», как хотят уверить Вейнгарт (стр. 100) и Шкарка (стр. 20), но к ней нас обязательно приводит филологическая критика текста наличных песенных вариантов.

Нет никаких оснований противопоставлять «церковнославянский язык чешского извода» «смешанному языку» первоначальной редакции НР и усматривать о последней «*prvé literárne dielo českého spisovného jazyka*» (Weingart, стр. 98, 106). Если признать церковнославянский язык чешского извода первым этапом в истории чешского литературного языка, то стихотворение НР должно рассматриваться как литературное произведение, написанное этим языком, но при этом произведение отнюдь не первое, поскольку церковнославянская литература X—XI веков насчитывает целый ряд памятников различного содержания, в том числе и другие стихотворные тексты, как например молитву при пострижении, сложенную строфой 2 (10 + 9) и дошедшую до нас в первом житии св. Вячеслава:

Господи Боже Исусе Хрсте,
благослови отрока сего,
ѣжеже благословнаѣ еси
всѣх правдынныхъ твоихъ!

Лишь в одном отношении НР — воистину первое произведение: оно было единственным из церковнославянских памятников, подхваченным и сохраненным чешской литературной и музыкальной традицией.

Молитва НР возникла в Чехии в X в. или в первой половине XI в., если только она не была перенята из великоморавского наследия. В том, что нам от нее сохранилось, нет ни малейшего намека на более точную датировку, но согласимся с А. Шкаркой, что велик соблазн связать происхождение песни со временем и именем св. Войтеха, которому ее приписывает традиция, засвидетельствованная с 1260 года. В пользу этой традиции говорит не только вскрытая трудами Birkenmajer'a связь Войтеха с современными поэтическими школами, в особенности греческими, но и собственная литературная деятельность чешского подвижника, в частности *jubilus*, цитируемый в его житии и сложенный, подобно НР безрифменными восьмисложными стихами:

tibi, Virgo, maris stella,
quae me, ut pia Domina,
humillimum servum Tuum,
respicere dignata es...

Так называемый позднероманский период чешской духовной жизни, отделяющий крушение церковнославянской культуры на пороге двенадцатого века от начала местной готики на склоне тринадцатого века, оставил по себе всего два

кратких стихотворных текста, которые оба сложены одинаковым пятисложным размером. И здесь снова недостаток вдумчивой внимательности к художественной форме порой отрицательно сказывается на чтении и выводах Шкарки. Первая строфа молитвы »Svatý Václave« (= SV) — (2·5 a + 5) + (2·5 b + 5) —

1. Svatý Václave,	4. pros za ny Boha,
2. vévodo České	5. svatého Ducha!
3. země, kněže náš,	6. Kyrieleison!

резко отличается строгим изосиλλαбизмом стиха и напева (ср. Orel, стр. 18 сл.), а также распределением словесных и мелодических рифм от дальнейших строф: II) 2·8 a + 2·4 b + 2·5, III) (7 a + 6 a) + 2·4 b + 2·5. Как я уже отмечал (Slovo a slovesnost IV, 1938, стр. 43), не менее разительно выделяет первую строфу ее стилистика: простота синтаксического строя, отсутствие эпитетов и монополия вокативно-императивных фраз. Только к первой строфе полностью приложена первоначальная мелодия. Произвольно отождествляя конец второго стиха с синтаксической паузой (vévodo české země), Шкарка разрушает бесспорную силлабическую основу первой строфы (стр. 36, 68). На деле же первая строфа наделяет фразные паузы метрической функцией единственно в конце трехстиший. Из правильной предпосылки, что заключительное Kyrieleison требовало троекратного повторения, исследователь делает ошибочное заключение, что молитва искони состояла из трех строф, тогда как ее просто полагалось »петь трижды«, как свидетельствует примечание к древнейшему списку, так что и заключительная формула, естественно, исполнялась три раза. Лишь позднее, в начале готической эпохи, троекратное повторение одной строфы уступило место двум присочиненным строфам нового склада. Но традиция »ter cantari« продолжала оставаться в силе, пока троекратное исполнение всех трех строф не послужило в пятнадцатом веке стимулом к расширению текста песни до девяти строф.

По поводу молитвы »Zdráva Maria«, близкой по времени возникновения к первой архангелской строфе SV, Шкарка утверждает, что лишь »в некоторых поздних формах« она расчленяется, да и то spíš náhodně nežli úmyslně на семь пятисложных стихов (стр. 13). Но это рискованное предположение не принимает во внимание ни ее напева, сохраненного гуситской традицией, ни старопольского текста этой молитвы, восходящего к чешскому прототипу и опубликованного по списку 1475 г. (J. Birkenmajer, Pozdrowienie anielskie w narodzie polskim. Варшава 1935, стр. 9). Между тем, четвертый стих польской версии — boguslawienaś — и шестой — boguslawieny — совпадают с древнейшей редакцией чешского евангельского текста (... blahoslavenás... a blahoslavený), которую Шкарка отклоняет в своем опыте реконструкции (стр. 62, 90). Именно из семи пятисложных стихов слагался первоначальный текст молитвы:

1. Zdráva, Maria,	5. mezi ženami
2. milosti plná,	6. i blahoslaven
3. Hospodin s tobú!	7. plod břucha tvého!
4. Blahoslavena	

В дальнейшем церковнославянские реликты — *blahoslavena... i blahoslaven* — были заменены обиходным словарным вариантом — *požehnána ty... i požehnaný*.

Harvard University.

Povzetek

Avtor oporeka trditvi A. Škarka v knjigi *Najstarší česká duchovní lyrika* (Praga 1949), da bi se besedilo staročeške pesmi »Hospodine, pomiluj ny« (okr. NR) v prvotni obliki v maločem ločilo od kasnejših zapisov te pesmi, kakor tudi M. Weingartu, da bi bila pesem prvi dokument češkega literarnega jezika. Kritična rekonstrukcija prvotnega teksta terja primerjalno analizo vseh variant. Že Jan z Holešova je ob koncu XIV. stoletja napravil prvi razbor in ačič, nekako kánonsko verzijo NR, v kateri naj bi bile ohranjene *dictiones et syllabae*. Primerjava stihov, dopolnjevanje variant v pesemskih delih tistega časa in husitske dobe bistveno olajšujejo restavracijo prvotnega spomenika. Kritična analiza od verza do verza kaže, kako so se zaradi glasovnih sprememb, zlasti izgube polglasnikov, izgubljali zlogi in so jih nadomeščali z mašili; če vsa ta mašila ugotovimo in postavimo nazaj onemele steslov, polglasnike in nekatere samoglasnike, dobimo prvotno steslov. osmerozložne verze.

Od prvotnega teksta se je pesem odmaknila le po glasovnih spremembah, ne pa po leksikalnih, kakor trdita Škarka in Weingart. V vsej pesmi ni ne ene specifično češke besede, ki bi je ne imeli že v stari cerkveni slovanščini. Zato je pesem prav gotovo starocerkvenoslov. izvora v češki redakciji, podobno kakor tudi drugi plodovi cerkvene delavnosti na Češkem do ustavitve slovanskega bogoslužja. Stopnja čelizacije se je s časom kaj lahko večala, kakor nam kaže primerjava Praških odlomkov s Kijevskimi listki.

Rekonstrukcija prvotnega teksta ne le ni kako »nasilje nad gradivom« (Škarka, Weingart), marveč nas filološka kritika besedila in obstoječih variant k temu naravnost sili. Ako priznamo češki cerkvenoslovanski jezik za prvo stopnjo češkega literarnega jezika, tedaj pesem ni *prvi* sad tega jezika, ker imamo v cerkvenoslovanski literaturi X.—XI. stoletja celo vrsto spomenikov, med drugim n. pr. molitev ob vstopu v samostan, ohranjeno v žitju sv. Vaclava. NR je prva češka literarna tvorba samo po tem, da je to edini cerkvenoslov. spomenik, ki ga je prevzela in ohranila češka literarna in muzikalna tradicija. Iz konca XII. in začetka XIII. stoletja imamo le dva kratka pesemska teksta, ki se po ritmu (peterozložnost) in po slogu ločita od prejšnjih, to sta »Svatý Vaclave« in »Zdráva, Maria«.